

Н. Е. НОСОВ

ЗЕМСКАЯ РЕФОРМА НА РУССКОМ СЕВЕРЕ XVI в. (ОБ ОТМЕНЕ КОРМЛЕНИЙ И ВВЕДЕНИИ ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ)

Ни одна реформа Ивана Грозного не имела столь больших и далеко идущих последствий для русского черносошного крестьянства, как земская реформа. Именно она, передав бразды местного управления в руки самих крестьянских миров (а реально — сельских богатеев и иных «лучших людей») и освободив их от опеки феодалов-кормленщиков, во многом способствовала созданию здесь условий для значительно более интенсивного, чем в центральных районах страны, развития социальной дифференциации среди крестьянства, освобождению его (хотя бы частично) от пут феодализма и зарождению в этих, столь богатых промыслами землях, новых социальных отношений — отношений в известной мере уже предбуржуазных.

Мы много знаем о земском самоуправлении на Севере в XVII в., значительно меньше — о его развитии в конце XVI в., а вот о периоде становления здесь земских учреждений наши сведения вовсе ограничены.¹ Дело в том, что в сохранившемся актовом материале XVI в. первые годы существования земских учре-

¹ См.: М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., тт. I—II. М., 1909 (далее: Богословский). — Это капитальное исследование, основанное на огромном архивном материале московских приказов и местных земских изб XVII в., полностью сохраняющее свое научное значение и в настоящее время. Из работ же, изданных в последние годы, следует особо выделить монографию П. А. Садикова «Очерки по истории опричнины» (М.—Л., 1950), в которой автором собран и обобщен большой материал по вопросам взаимоотношений между Четвертными приказами и земскими властями северных областей во второй половине XVI в., а также небольшую, по крайне любопытную статью А. И. Копанева «Куростровская волость во второй половине XVI в.» (в кн.: Академику Б. Д. Грекову... М., 1952, стр. 146—156), где исследуется внутренняя организация управления в северной волости.

ждений отразились очень слабо. Основной источник — дошедшие до нас земские уставные грамоты 50-х годов XVI в., но их единицы, а главное — они охватывают сравнительно ограниченную территорию, преимущественно Подвинье: Малую Пенежку, Вагу, Устьянские волости и Нижнюю половину Двинской земли.² Что же касается Луцкой Пермцы Соль-Вычегодского уезда, то выданная ей около 1556 г. земская уставная грамота дошла до нас лишь в пересказе грамоты 1615 г.³

Небогаты и дошедшие до нас записи местных летописцев (мы имеем в виду Вычегодско-Вымскую, Великоустюжскую и Двинскую летописи) о проведении земской реформы на Севере, но о них мы скажем ниже. Если же к этому добавить, что в Никоновской летописи «царский приговор» «о кормлениях и о службе» датируется 7064 г. (т. е. временем от 1 сентября 1555 г. по август 1556 г.),⁴ а на самом деле известны земские уставные грамоты, его излагающие, еще от весны (мая) и лета 1555 г.,⁵ то естественно, что выяснение вопроса о датировке проведения земской реформы — как по всей стране, так и в отдельных ее районах (в данном случае на Севере) — приобретает особое значение.⁶

² Мы имеем в виду земские уставные грамоты двинским волостям Малой Пенежке, Вые и Суре Поганой от 25 февраля 1552 г.; Важскому уезду от 21 марта 1552 г.; Устьянским волостям от 23 мая и 15 октября 1555 г. и Нижней половине Двинской земли от сентября 1556 г. (А. И. Копанев, Уставная земская грамота трех волостей Двинского уезда 25 февраля 1552 г. *Истор. архив*, 1953, № 8, стр. 11—20; Богословский, т. I, стр. 287—289; ААЭ, т. I, №№ 234, 243, 250).

³ ЧОИДР, 1907, кн. 1, отд. IV, смесь (публикация С. Б. Веселовского); стр. 40—47.

⁴ ПСРЛ, т. XIII (первая половина), стр. 267—269.

⁵ См. хотя бы грамоты от 23 мая 1555 г. Устьянским волостям и от 11 и 15 августа 1555 г. переяславским посадским людям и рыбакам (две последние изданы: С. А. Шумаков. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895, стр. 110—113; ААЭ, т. I, № 242).

⁶ Не случайно до сего времени царский «приговор» о кормлениях и службе датируется исследователями по-разному. В. Н. Татищев, помещая «приговор» среди дополнительных статей к Судебнику 1550 г., помечает его «20 сентября 7064 г.», т. е. 1555 г. (Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича... Изд. 2. М., 1786, стр. 131). Именно эта дата была принята позднее, как бы сказать, на веру большинством исследователей. См. хотя бы: В. О. Ключевский. Опыты и исследования. Первый сборник статей. Пгр., 1918—1919, стр. 451—452 (статья «Состав представительства на земских соборах древней Руси»). Правда, уже с конца XIX в., после обнаружения М. А. Дьяконовым и С. А. Шумаковым новых земских грамот, датировка В. Н. Татищева стала вызывать большие сомнения. Так, М. А. Дьяконов, ссылаясь на переяславские грамоты от 11 и 15 августа 1555 г., полагает, что он был издан до 1 сентября 1555 г. (М. А. Дьяконов. Дополнительные сведения о московских реформах половины XVI в., ЖМНП, 1892, № 4, стр. 193). С. А. Шумаков датирует «приговор» сентябрем 1556 г. — временем окончания выдачи земских уставных грамот (С. А. Шумаков. Губные и земские грамоты Московского государства, стр. 30). П. А. Садилов, основываясь на майской Устьянской грамоте (опубликованной М. М. Богословским в 1909 г.), относит его к периоду до 23 мая 1555 г. (П. А. Садилов. Очерки по

Без этого нельзя проводить изучение самой реформы по существу.

Естественно поэтому, что всякие дополнительные данные, характеризующие время введения земского самоуправления на Севере, весьма важны. К числу их следует, в первую очередь, отнести сведения об отмене кормлений на Севере (а следовательно, и о введении здесь земских учреждений), которые можно извлечь из Боярской книги 1556 г. — единственного из дошедших до нас официальных источников, составленного непосредственно во исполнение «царского приговора» о кормлениях и службе 1555/56 г. и содержащего массовые данные о передаче тех или иных кормлений на откуп, взятые ее составителями из специальных «списков на кормленые верстанья», которые велись в московских приказах.⁷

Сведения Боярской книги 1556 г. о кормлениях кануна земской реформы (1550—1555 гг.) охватывают более 30 уездов страны и в том числе двух наиболее населенных северных районов — Двинского края и Обонежской пятины (от последней не дошло, кстати, ни одной земской уставной грамоты). Каждый из этих районов имел свою специфику. Нашла она свое отражение и в Боярской книге, несмотря на всю лаконичность и предельную краткость ее данных.

* *

*

Заонежские погосты, составляющие северную часть Обонежской пятины, в середине XVI в. резко выделялись из основной массы новгородских земель. В последних, кроме северной части Вотской пятины, уже господствовало поместное землевладение, в то время как Заонежье на протяжении всего XVI и XVII вв. оставалось черносошным краем. Лишь монастыри обладали здесь довольно значительными владениями, но и то в значительно меньших размерах, чем в соседних (с востока) каргопольских и северо-белозерских землях. Вообще же это был типично северный

истории опричнины, стр. 251). И, наконец, А. А. Зимин, который считает, что «ликвидация системы кормлений в Русском государстве не была единовременным актом, а происходила на протяжении ряда лет», вообще утверждает, что «приговор» Никоновской летописи «является не законом об отмене кормлений, а публицистическим обобщением многочисленных мероприятий в этой области» (А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. М., 1960, стр. 435—436).

⁷ Боярская книга 1556 г. (сообщена кн. М. А. Оболенским). Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачевым, кн. III. СПб.—М., 1861, отд. II (далее: Боярская книга). — Общая характеристика Боярской книги и ее особенностей как источника по истории земской реформы 1555—1556 гг. дается в нашей специальной статье: Боярская книга 1556 г. (к вопросу о происхождении четвертчиков). В сб.: Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков (Труды ЛОИИ, вып. 2), М.—Л., 1960, стр. 191—227.

новгородский край, в гораздо меньшей степени, чем захваченный московскими служилыми людьми новгородский юг, испытывший на себе приказной «московский порядок». Именно поэтому отмена кормлений и введение земского самоуправления встретили здесь особенно благоприятную почву.

По данным XVII в., все Заонежье (около двадцати погостов, или волостей) группировалось в четыре больших стана — или, точнее, крупные объединенные волости (волости-округа) — с центрами в Олонецком, Оштинском, Водлоозерском и Выгозерском погостах, из которых Оштинский погост играл роль главного центра, где происходили всеуездные собрания и где находилась съезжая изба и резиденция воеводы; подведомственные же были все эти станы Новгородской четверти.⁸ Вряд ли можно сомневаться, что эта система была унаследована еще от XVI в., когда по указанным станам-волостям сидели кормленщики.⁹

В Боярской книге упоминаются три таких стана-волости: Оштинский, Водлоозерский и Выгозерский.

Ошту «держал год» Никифор Федоров сын Вышеславцев и «съехал» с нее 24 июня 1554 г. — «на Рождество Ивана Предтечи».¹⁰ Водлоозеро «держал год» Василий Меньшой Андреев сын Вельяминов-Сабуров и «съехал» с нее 1 октября 1552 г. —

⁸ Богословский, т. I, стр. 31, 39, 40.

⁹ Вообще вопрос о соотношении между волостями и станами относится, как известно, к числу наиболее поясных в истории местного управления XVI—XVII вв. Применительно к Заонежью, как и всему бывшему новгородскому Северу, представляется наиболее вероятным, что погостами назывались здесь небольшие волости, занимающие определенную территорию и образующие единые тяглые округа, — они еще искони имели свои мирские власти (волостных старост) и даже в XVI—XVII вв. носили на себе сильный отпечаток бывших сельских общин, из которых они в далеком прошлом образовались и устои которых постепенно приспособили к современным нуждам. Эти погосты-волости в судебно-административном отношении обычно списывались уже в станы-волости как административные округа (волости, так сказать, второго порядка), причем центром такой волости являлся как раз тот погост-волость, где находился судебный стан и где происходили общеволостные (а вернее, межволостные-межпогостские) собрания по тяглым и иным земским делам. По имени такого погоста-волости (со станом) называется и все объединение волостей — округ. Именно здесь сидели кормленщики-волостели и именно этими волостями-округами они управляли. Не случайно поэтому, что такие волости-округа в источниках XVI—XVII вв., особенно приказного происхождения, носят обычно два названия — и волостей и станов, причем второе название было, так сказать, вторичным и уже к XVII в. все более и более вытесняет первое. По всем этим причинам и представляется, как мы увидим ниже, довольно трудным выяснение подлинных размеров волости-округа (равно стана) XVI в. как кормления. И особенно ненадежны в этом отношении ретроспективные наблюдения, а к ним неизбежно приходится прибегать, поскольку это почти единственный путь (из-за отсутствия современных земской реформе источников) к хотя бы общему решению этих вопросов.

¹⁰ Боярская книга, л. 94.

«на Покров Богородицы»,¹¹ но когда через три года подошла очередь волостельствовать на Водлоозере Ивану Молчанову сыну Голохвастову, который должен был «наехать» на кормление с 1 октября 1555 г. (т. е. на тот же покров), то оно уже было «в откупу».¹² Видимо, по этой же причине не смог «наехати» на наш третий стан — Выгозеро — с 22 февраля 1556 г. (на Сборное воскресенье) и Григорий Семенов сын Цыплятев.¹³

Таким образом, можно предполагать, что не только Водлоозеро, но и Выгозеро были переведены на откуп до 1 октября 1555 г. Менее вероятно, что они переведены на откуп в разные сроки — Водлоозеро до 1 октября 1555 г., а Выгозеро позже, но до 22 февраля 1556 г.

Обе волости были черные и представляли, как мы уже указывали, центры крупных заонежских волостельств.

Водлоозерская волость была расположена по берегам Водлоозера и тянулась на восток от Онежского озера в направлении к Каргополю.¹⁴ В 1568—1569 гг. восточная часть волости была «отмежевана» по распоряжению Ивана IV к Каргополю, «в опричнину», причем показательно, что в «сотной» грамоте каргопольской половины волости 1570 г., которая и явилась результатом этого отмежевания, в число податей, которые платила волость, входили и деньги «за наместничь доход и присуд».¹⁵ Разделенная на две половины (части) — заонежскую, тянувшую к Новгороду, и каргопольскую — волость существовала и в XVII в. К середине XVII в. в обеих частях волости, т. е. на той ее территории, которую она, видимо, охватывала в середине XVI в. в составе новгородских земель (куда мы относим не только сам погост-волость Рождественский Водлоозерский, где находился волостелин стан, но и соседние ему тоже водлоозерские погосты, по крайней мере два — Никольско-Пудожский, расположенный по правому берегу р. Водлы, и Спасский на р. Шале, расположенный при ее впадении в Водлу), было 173 черные деревни (577 дворов) и 56 деревень (281 двор), принадлежащих в основном Юрьеву, а также Палеостровскому и Муромскому монастырям.¹⁶ Ясно, что во время земской реформы монастырских земель здесь было значительно меньше.

¹¹ Там же, л. 51.

¹² Там же, л. 155.

¹³ Там же, л. 85.

¹⁴ К. А. Певолкин. О пятинах и погостах новгородских. Записки Имп. Русского геогр. общества, кн. VIII, СПб., 1853, стр. 172.

¹⁵ «Сотная» грамота была подписана четвертными дьяками Курганом Лапиным и Иваном Савиным (ЦГАДА, Городовые книги по Каргополю, № 1, лл. 292—297. — О Кургане Лапине и Иване Савине как четвертных дьяках см.: А. Дмитриев. Пермская старина, вып. 6, Пермь, 1895, Материалы..., № 2, стр. 130—134; П. А. Садилов. Очерки по истории опричнины, стр. 244, 150, 174, 318, 327, 328, 329, 332, 334, 335, 454).

¹⁶ Богословский, т. I, Приложение, стр. 5, 13.

Большой (территориально) была в Выгозерская волость, расположенная по берегам Выгозера, а также по рр. Выгу, Суме, Нюхче и по Сум-озеру.¹⁷ Судя по грамоте Ивана IV 1543 г., адресованной выгозерскому волостелю Ф. Т. Зазевитову, все эти земли составляли не только единое волостельство, но и единую губу.¹⁸ Но какие именно погосты тянули в XVI в. к Выгозерскому волостельству, сказать трудно. Известно лишь, что по писцовой книге 1582/83 г. черные деревни находились здесь в основном в верховьях р. Выг, на Маткоозере, на р. Вожме, на Корась-озере, на Сум-озере, на реках Нюхче и на Унежме. Земли же в низовьях рр. Выга, Сумы, Вирмы и Колежмы принадлежали Соловецкому монастырю. Здесь находились его селения — Сороцкая, Выгостров, Сухоनावолоцкая, Вирма, Сумский острог и Колежма. Очень возможно, что все эти земли и составляли в середине XVI в. территорию выгозерского волостельства — территорию огромную, но мало населенную. Достаточно сказать, что в самом Выгозерском погосте в середине XVII в. было всего 18 черных деревень с 37 дворами.¹⁹

Сложнее обстоит дело с выяснением времени передачи на откуп волости, вернее волостельства Ошты, раскинувшегося в округе р. Ошты, впадающей в Онежское озеро с юга, и включающего в себя почти все южное Заонежье — самую заселенную и богатую его часть.²⁰

Всего вероятнее, что оштинское волостельство было передано на откуп примерно в те же сроки (если не одновременно) с Водлоозером, т. е. до 1 октября 1555 г. Но этому противоречит тот факт, что до нас дошла платежно-приходная книга (платежница) оштинского волостельства 1556 г., из которого видно, что население Ошты в это время еще платило наместничий корм и иные пошлыны.²¹ Казалось бы, вопрос о возможности отмены кормлений в Оште до 1556 г. решается, таким образом, отрицательно?

Но в действительности это как раз наоборот.

Во-первых, соображения хронологические. Дело в том, что интересующая нас оштинская платежница дошла в составе особого новгородского сборника, составленного, видимо, в новгородской дьячей канцелярии середины XVI в. и включающего комплекс документов по ладожскому наместничеству, в состав которого

¹⁷ К. А. Неволин. О пятинах и погостах новгородских, стр. 170.

¹⁸ Акты Юшкова, № 142.

¹⁹ Богословский, т. I, Приложение, стр. 4; К. А. Неволин. О пятинах и погостах новгородских, стр. 117—169.

²⁰ Богословский, т. I, Приложение, стр. 6.

²¹ ЦГАДА, ф. 1144, Новгородская приказная изба, сборник 227/991, лл. 1—35 (ладожского наместничества), лл. 35—47 (оштинского волостельства). — Указания книги обнаружены и в выдержках опубликованы: Д. Я. Самоквасов. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV—XVII столетий, [т. I], отд. I. М., 1905, стр. 188—192 (мы пользуемся рукописью).

в общедминистративном и военном отношении как раз и входила Ошта. Документы эти следующие: доходный список ладожского кормления, а также платежные книги наместничьих доходов ладожского наместничества и отдельно — оштинского волостельства. Платежные книги составлены и скреплены сборщиком этих наместничьих доходов — сыном боярским Лобаном Кобылиным, который с перечисляемых в них погостов и владений «корм писал» и «корм имал». Обе платежницы не датированы, но совершенно ясно, что они составлены Л. Кобылиным одновременно, при объезде им обоих кормлений. Что касается доходного списка ладожского кормления, то в нем самом даты его выдачи нет (в доходных списках, выдаваемых на руки кормленщикам, в начале их обычно обязательно обозначалось, что такого-то числа такого-то года царь и великий князь пожаловал то или иное лицо (имя рек) в кормление тем или иным городом, волостью и т. д.), а лишь указывается, что «лета 7064-го августа списано з доходного списка ладожского кормления, который список за Елизаровую рукою, а тот список, что за Елизаровою рукою, у Вотские пятины». Следовательно, нам известна лишь дата (август 1556 г.) снятия копии (а не выдачи) доходного списка, сделанной для Л. Кобылина, когда он был послан, видимо, новгородскими дьяками собирать вместо ладожского наместника и оштинского волостеля (которых ни в Ладоге, ни в Оште уже не было) с посадских людей и крестьян кормленные сборы — посошный корм и деньги за наместничий и волостелин присуд со всех земель и владений, которые тянули к этим кормлениям «судом и кормом» или лишь были «приданы пятном и душегубством».

Иначе говоря, августом 1556 г. можно датировать только время составления самих платежниц, а отнюдь не время передачи и Ладоги, и тем более Ошты, на откуп. Наоборот, сам факт, что Л. Кобылин собирал кормы и присуд за год (например, берет, «что (корму, — Н. Н.) сходило ладожскому наместнику в год на три праздника», или «за пятно и за душегубство и за татьбу с поличным, что сходило ладожскому наместнику», и т. д.), ясно указывает на то, что сам съезд кормленщиков с Ладоги и Ошты состоялся уже год назад, осенью 1555 г. — и, что особенно показательно, именно до 1 октября 1555 г., как это имело место в Водлоозере. И даже более: поскольку Л. Кобылин собирал годовой посошный корм в августе или вернее в сентябре 1556 г. (ведь копия с доходного списка должна была быть снята для него до поездки на Ладогу), то очень возможно, что съезд самих кормленщиков состоялся здесь как раз с нового прошлого года, т. е. 1 сентября 1555 г. Во всяком случае, нельзя забывать, что с этого срока была передана на откуп не только вся Псковская земля,²²

²² Боярская книга, лл. 11, 20, 32, 53, 88, 93, 106, 138, 162.

но и близлежащие к Заонежью белозерские земли²³ (к сожалению, точная дата или даты передачи на откуп самих новгородских земель нам пока неизвестны).

Но если считать, что волостели в Оште были упразднены еще осенью 1555 г., то почему в општинской платежнице 1556 г. (как, кстати, и в ладожской) речь идет не о сборе окупа за посошный корм, а самого этого корма, а также полагающегося волостелю присуда и пятна, хотя и собираемого уже не им самим (и не для себя), а специальным сборщиком и в казну? Думается, что объяснение этого надо искать в следующем: во-первых, не был ли 1556 г., как бы сказать, переходным годом в реализации земской реформы; во-вторых, не был ли такой порядок вообще специфичной новгородских земель, где, как известно по актовым материалам 60—70-х годов, сбор посошного корма в последующий период обычно производился в пятинах специальными денежными сборщиками, выбираемыми из числа местных детей боярских, а не земскими властями; и, наконец, в-третьих (и это, может быть, для данного случая главное), нельзя забывать, что в општинской платежнице 1556 г. перечисляются лишь земли иммунистов — монастырские, владычные и помещичьи, а также земли своеземцев, черные же земли в ней вообще не значатся, хотя именно с них получали кормленщики свой основной доход. Допустить же, что черных земель в 1556 г. в општинском волостельстве не было, невозможно уже в силу одного того, что даже в середине XVII в. основные земли, тянущие к општинскому волостельству, были черными. Так, согласно писцовой книге 1646/47 г., только в называемых в платежнице восьми општинских погостах²⁴ более $\frac{2}{3}$ населения составляли именно черные крестьяне. Например, в погосте Никольском на Оште из 113 деревень (433 двора) было 78 черных деревень (357 дворов), в погосте Рождественском на Мегре все 164 деревни (326 дворов) были черные и т. д.²⁵ А отсюда вполне естественно заключение, что черные земли Општинского волостельства к моменту составления платежницы уже находились на откупе и поэтому-то и не вошли в нее (в Ладоге же, где черных оброчных земель было вообще мало, этого не произошло, и поэтому черные земли фигурируют в ладожской платежнице 1556 г.). Правда, тот факт, что општинская платежница 1556 г., в отличие от ладожской, не включает сведений о сборе

²³ Там же, лл. 57, 117.

²⁴ Мы подчеркиваем, что речь идет только о называемых в платежнице погостах, так как погосты полностью черные (в которых не было земель иммунистов и своеземцев) в силу самого ее характера могли в нее не попасть. Вообще же в платежнице општинского волостельства 1556 г. называются следующие погосты: Никольский на Оште, Покровский на Вытегре, Рождественский Мегрежский, Рождественский в Остречихах, Ильинский в Веницах на Ояте, Воскресенский в Важапах, Пиркиничский на Свири и Дмитриевский в Сотцких.

²⁵ Богословский, т. I, Приложение, стр. 6—7.

самого посошного корма («корм с них не писан»), оговаривая, что с перечисляемых в ней оштинских погостов корм уже собран («иман») по особой грамоте («по указу», как именует ее платежница), а содержит лишь данные о причитавшихся кормленщикам деньгах — «что сходило оштинскому волостелю» за татьбу с личным, душегубство и пятно, — ясно показывает, что даже на иммунитетных землях сбор посошного корма производился в Оште не так, как в Ладогe, а главное — раньше, чем там. Ситуация крайне симптоматичная при переходе от кормлений к откупной системе управления, в которую в первую очередь включаются правительством крупные чернососшные волостельства. Очень возможно поэтому, что упоминаемый в оштинской платежнице 1556 г. предшествующий ей царский «указ» о сборе корма с иммунитетных владений и был тем правительственным распоряжением, на основе которого практически вводится в Оште новая система сбора в казну бывших кормленых доходов.

Таковы данные Боярской книги по Заонежью. Они, как мы видим, невелики, но при сопоставлении с другими источниками они все же дают основание полагать, что реформа была проведена в Заонежье, всего вероятнее, еще осенью 1555 г. (до 1 октября), хотя сам характер реформы на черных и оброчных землях, с одной стороны, и землях иммунитетов, с другой, существенно различался. Но этот вопрос требует уже специального рассмотрения.

* *
*

Двинский край, куда мы относим как собственно само Подвинье, т. е. земли по самой Северной Двине, так и Устюжскую и Вычегодскую земли, т. е. земли, расположенные по ее притокам Сухоне, Югу и Вычегде, представлен в Боярской книге значительно лучше.

Но сперва несколько слов о самом этом крае. Как и Заонежье, это был в XVI в. район почти сплошного чернососшного крестьянского землевладения. Даже монастырские владения были здесь весьма невелики. Этот огромный край был немногочислен, но очень богат своими промыслами, особенно рыбой, мехами и солью. Сельское хозяйство было развито здесь сравнительно слабо, а торгово-промысловый характер деятельности крестьянского населения сближал сельскую округу с посадами. И хотя северное Подвинье в прошлом входило в состав новгородских владений, московские мирские традиции, идущие из таких центров старомосковской колонизации, как Великий Устюг и Соль-Вычегодск, имели здесь, особенно в его южной части, весьма сильное влияние.

Наиболее крупным торговым центром южной части края был Великий Устюг, но власть его наместников отнюдь не рас-

пространялась на все окрестные земли, которые имели своих волостелей (а Тотьма и Соль-Вычегодск — своих наместников и приказчиков), как правило, независимых от устюжской администрации; двинские же наместники были вообще совершенно автономны, поскольку Двинская земля (Подвинье) всегда представляла особый административный округ с центром в Холмогорах.

Из собственно двинских кормлений в Боярской книге упоминается лишь Пенежка, но зато упоминается четыре раза, и уже в силу одного этого приводимые данные о ней особенно интересны и важны для понимания общего хода проведения земской реформы. Сам же характер этих сведений следующий.

Дангло Степанов сын Отяева «имал с Пенежки с Малые по 20 рублей на год»;²⁶ Андрей Борисов сын Ступишина, «имал с Пенежки по 10 рублей на год»;²⁷ Михалец Иванов сын Яропкина «имал с Малыя Пенежки по 10 рублей на год»;²⁸ и, наконец, Иван Никитин сын Дубенского Большой «съехал с Пенешки с Малые на Ильин день 63, держал 2 года»,²⁹ т. е. был на пенежском волостельстве с лета (июля?) 1553 г. по 20 июля 1555 г.

Но самое интересное заключается в том, что недавно, как мы уже отмечали, А. И. Копаневым была найдена земская уставная грамота двинских волостей Малой Пенежки, Выйской и Суры от 25 февраля 1552 г., по которой в этих волостях волостель и его тиун были «отставлены», а кормы и иные доходные статьи, идущие в их пользу, заменены «оброком». Этот новый «оброк» указанные три волости обязаны были один раз в год (на масленицу) платить в казну (дьяку Истоме Новгородову), а у себя «учинити» (выбрать) «излюбленных голов и лутчих людей, сотских и пятидесятских», которые, как указывает грамота, и были обязаны теперь у них «управу чинити во всяких земских делах по нашему (царскому, — *И. Н.*) Судебнику».³⁰ И хотя это было осуществлено, как видно из грамоты, пока еще не в обязательном порядке и тем более не повсеместно (как это имело место во время земской реформы 1555—1556 гг.), а по просьбе самих пенежап, причем имена челобитчиков прямо называются в грамоте жаловавшихся царю на чинимые им разоренье и обиды

²⁶ Боярская книга, л. 18 об.

²⁷ Там же, л. 28.

²⁸ Там же, л. 60.

²⁹ Там же, лл. 149 об. — 150.

³⁰ А. И. Копанев. Уставная земская грамота трех волостей Двинского уезда 25 февраля 1552 г., стр. 287—289. — Волости Малая Пенежка, Выйская (Вья) и Сура Поганая были расположены в верховьях р. Пинеги и по ее притокам Вые и Суре. По письму 1623 г., в них было 749 дворов, соответственно 174, 201, 174 (Богословский, т. I, Приложение, стр. 26). В XVI в. указанные волости хотя и входили в состав Двинского уезда, но обычно выделялись в особое кормление и имели своих волостелей. Район был исключительно черносопный, с очень сильно развитым промысловым хозяйством (пушным промыслом и рыболовством).

от пенежских волостелей и их людей, но вряд ли можно сомневаться, что новое «земское устройство» уже тогда было связано с более широкими замыслами правительства. На это указывает хотя бы выдача 21 марта 1552 г. подобной же земской уставной грамоты Важской земле.³¹

Согласно этой грамоте, — выданной, кстати, тем же дьяком Истомой Ноугородовым, — в Важской земле,³² так же как и в пенежских волостях, упраздняются наместники, также учреждаются излюбленные головы, также, наконец, годовой «оброк» за наместничьи доходы вносится важанами в казну на масленицу (дьяку Истому Ноугородову), причем Важская грамота (в отличие от Пенежской) указывает даже сами нормы расчета этого «наместничья откупа» с важан: «с посадских дворов с двора по осминадцати алтын, а со хрестьян, которые живут в станех и в волостех, с обжи по осминадцати алтын, да сверх того с посадских дворов и с станов и с волостей со всех обож двадцать алтын и три алтыны, а двор посадской противу обжи, а обжа противу посадского

³¹ ААЭ, т. I, № 234. — Правда, из этих грамот отнюдь не вытекает вывод, что наместники и волостели были в это время упразднены (или временно сведены) в массовом порядке. Этому прямо противоречат хотя бы указания обеих двинских грамот 1552 г. (Пепежской и Важской), что если «излюбленные головы (цитируем Пенежскую грамоту, — Н. Н.)..., а с ними земские люди, с теми денгами, с нашим оброком» («с нашею казною, за наместничь откуп», по выражению Важской грамоты) «поедут» к Москве, то «по городам наши наместники и по волостем волостели и их пошлинники, и наши приказчики городовые, и по мытом мытчики, и по рекам перевозщиком и все пошлинники с тех излюбленных голов из земских людей мыта, и явки, и перевозчики перевозу, и иных некоторых пошлин на них не емлют, пропускают их везде без зацепки, по задержав» (курсив наш, — Н. Н.).

³² Важская земская уставная грамота от 21 марта 1552 г. была выдана посадским людям и крестьянам всего Важского уезда, составившего до этого особое наместничество (наместник сидел в Шенкурском посаде, а его тиун на посаде в Вельске). Теперь, согласно земской грамоте, уезд должен был разделиться как бы на два судебно-административных округа. Первый из них — Шенкурский стан, с центром в Шенкурском посаде, с «приписанными» к нему «судом» Лядским, Ровдинским и Подвинским стагами и входящими в них несколькими десятками больших и малых волостей (в своей совокупности это была очень большая территория, охватывающая земли как по нижнему течению Ваги и ее притокам Деде, Сюме, Пуе, Шеренге, так и по самой Двине ниже устья Ваги). Второй — Вельский стан, с центром в Вельском посаде, с также «приписанными» к нему «судом» Слободским и Кокшениским стагами и соседними волостями (территория тоже весьма значительная, охватывающая земли в верховьях Ваги и по ее притокам Пежме, Веге, Устью и Кокшенге). С юга Вельский стан непосредственно граничил с Устьянскими волостями (см.: Переписные книги 1692 г. часовень в Важском уезде и в Устьянских сохах. РИБ, т. XXV). Каждая из этих частей — Шенкурский и Вельский станы — избирала по десять «излюбленных голов», которые и осуществляли суд и управу над посадскими людьми и крестьянами своего стага, но ехали в Москву и вносили «оброк» все вместе.

двора, розметом в наместничь оброк равна». Общая же сумма «оброка» со всего Важского уезда — полторы тысячи рублей на год.

Но вернемся к сведениям Боярской книги о Малой Пенежке. Похоже, что сопоставление ее данных с Пенежской земской грамотой 1552 г. дает возможность сделать довольно любопытные наблюдения. Так, из земской грамоты видно, что до февраля 1552 г. волости Малая Пенежка, Выя и Сура составляли единое кормление и подчинялись «пенежскому волостелю» и его тиуну (видимо, поэтому Боярская книга, точно фиксируя положение дел, и именует кормление просто как Пенежка Малая). С 25 февраля 1552 г. (т. е. сразу же после масленицы, которая в этот год была с 18 по 25 февраля) пенежское кормление было передано на откуп, причем первый взнос должен был быть сдан в Москву «на масленное заговейно» 1553 г., т. е. к 5 февраля. Из этого взноса, который был установлен по земской грамоте в размере 100 рублей (суммарно с трех волостей), и «имали» с Малой Пенежки деньги Д. С. Отяев (20 рублей), А. Б. Ступишин и М. И. Яропкин (по 10 рублей каждый). Но получить эти деньги они могли лишь из первого годового окупа, за период с 25 февраля 1552 г. до 12 февраля 1553 г., или в крайнем случае полуторагодового, так как с лета (видимо, июля) 1553 г., по данным самой же Боярской книги, Малая Пенежка снова была отдана в кормление и волостелем в ней был И. Н. Дубенский, который держал ее два года, съехав с нее лишь 20 июля 1555 г.

Следовательно, правительство сперва, в феврале 1552 г., передало Малую Пенежку, Выю и Суру на откуп, а потом, летом 1553 г., снова восстановило здесь кормленщиков. Случай примечательный, — и не потому, что он ясно указывает на практику передачи отдельных кормлений на оброк с уплатой кормленщикам, которые стояли в очереди на это кормление, их доли из привезенного в Москву откупа еще до земской реформы 1555—1556 гг. (на это указывает и Важская уставная земская грамота от 21 марта 1552 г.), а потому, что дата восстановления старой кормленной практики в Малой Пенежке (а может быть, и не только в ней) падает как раз на лето 1553 г. Не связано ли это с какими-то серьезными колебаниями в отношении кормлений, которые могли произойти в правительственной среде в связи с мартовским боярским мятежом 1553 г.? Хронологическое совпадение тут явно настораживает.

Судя по актовому материалу 50-х годов XVI в., очень похоже, что подобное же явление имело место и в самом Двинском уезде (на его Нижней и Верхней половинах), где в 1551—1552 гг. были отменены наместники и введен институт «излюбленных голов» и «двинских выборных судей», а потом в конце 1554 г. снова восстановлены наместники, которые, как свидетельствует дошедшая

до нас земская грамота Нижней половины Двинской земли, окончательно были упразднены на Двине в сентябре 1556 г.³³

В связи с этим возникает общий вопрос, насколько правомерно называть Пенежскую и Важскую грамоты 1552 г. (а может быть и другие подобные им) — по образцу земских грамот 1555 г., выданных во исполнение царского «уложения» об отмене кормлений, — «уставными» (в смысле изложения ими какого-то общего царского уложения о земском самоуправлении): этот термин в них отсутствует, и в тексте указывается лишь, что «излюбленные старосты» должны «о всяких земских делах управу чинить по Судебнику», но ведь и сами грамоты 1555 г. так себя не называют, а лишь предписывают земским властям ведать всеми «царскими и земскими делами» по нашему (царскому) уложению, по Судебнику и по уставной грамоте», имея в виду под этой «уставной грамотой» отнюдь не самих себя, а какой-то третий общезаконодательный памятник (типа уложения или судебника), которым, всего вероятнее, и была та знаменитая «уставная грамота, которой в казне быти», что была «подписана» под Судебник 1550 г. и утверждена Стоглавом. Но именно Мало-Пенежская и Важская земские грамоты 1552 г. и представляют собой наиболее полное ее воспроизведение, хотя и облеченное в форму своеобразной «жалованной оброчной грамоты», как поименована Важская земская грамота 1552 г. при ее подтверждении в 1556 г. Другое дело, что как сам факт необходимости этого подтверждения, да еще во время повсеместного введения земских учреждений, так и восстановление в 1553 г. волостелей на Малой Пенеге ясно говорят о том, что московское правительство рассматривало

³³ ААЭ, т. I, № 250. — К сожалению, в настоящем небольшом очерке — в силу сложности и запутанности вопроса о проведении земской реформы в самом Двинском уезде (включая Большую Пенегу) — пока мы вынуждены ограничиться указанными общими замечаниями, отослав читателя к специальной нашей статье на эту тему, которая в ближайшее время должна также появиться в печати. Отметим лишь, что к такому выводу мы пришли на основании сличения сообщений о земской реформе Двинского летописца со сведениями о сборе наместничьих кормов и деятельности земских волостей, которые можно извлечь из двинских актов 50-х годов XVI в. Что же касается того, что в дошедшей до нас части Боярской книги 1556 г. данные о двинских кормлениях (как, кстати, и о важных) вообще отсутствуют, то это происходит или от того, что в ней нет первых десяти статей (с окладами от 60 до 100 рублей), — а именно среди них должны были числиться лица, пользовавшиеся такими богатыми кормлениями, — или они были записаны в другой Боярской книге, составленной по иным «спискам на кормленое верстание»: ведь данная книга вряд ли, даже в полном виде, включала всех кормленщиков. Косвенным указанием на последнее может служить сохранившаяся в нашей книге рабочая помета, что вычеркнутый из нее И. Д. Кикин числится «у Путила», т. е. у дьяка Путила Нечаева, который в 1556 г. как раз и осуществлял проведение земской реформы на двинских и важных землях, — его подпись стоит, например, и на двинской земской грамоте 1556 г. (Н. Е. Погов. Боярская книга 1556 г. ..., стр. 224—225).

их выдачу пока еще как временную («срочную») меру, а не как постоянную реформу.

Но продолжим наш обзор.

Весьма важные сведения о земской реформе сообщает Боярская книга и для Устьянских волостей, непосредственно граничащих с юга с Важским уездом.

Григорий Левонтьев сын Онисимов «съехал с Усть реки на вербное воскресенье 62, держал год»,³⁴ т. е. был устьянским волостелем с марта 1553 г. по 18 марта 1554 г.

Семен Васильев сын Неплюев «наехал был на Усть реку на вербное воскресенье 63, и Усть река с Покрова отдана в откуп»,³⁵ т. е. был устьянским волостелем с 7 апреля по 1 октября 1555 г., когда Усть-река отдана в откуп.

Князь Федор Михайлов сын Борятинский «съехал с Усьи и с Заечьи реки на Веден... лета 7064 держал через год... ва до Веденьева дни. А дано бы... на 2 году и дано в откуп».³⁶ Текст из-за дефектности не вполне понятен, ясно лишь одно, что Ф. М. Борятинский съехал с устьянского волостельства 21 ноября 1555 г. досрочно, в связи с передачей кормления на откуп.

Как известно, по верхнему течению р. Ваги и по ее притокам — слева Вели и Пежме, справа Устье (Усье) с Кокшенгой, Чадромой, Соденгой, Волуей и Мехренгой — находился особый округ, носивший в XVI в. название Устьянская земля. Западная его часть, состоявшая из ряда волостей, расположенных в низовьях рр. Устьи (ниже Соденги) и Кокшенги (на запад от ее правого притока — Заячьей реки), составляла два волостельства, списываемых в середине XVI в. в одно кормление (после земской реформы 1555—1556 гг. это списание стало уже постоянным); восточная же часть Устьянской земли (в верховьях Устьи и Заячьей реки), также состоявшая из ряда волостей, образовала Введенский стан, тянувший сперва к Великому Устюгу, а с начала XVI в. имевший или своих волостелей, или списываемый в одно кормление с другими устьянскими волостями. Эти устьянские кормления и упоминаются в Боярской книге под именем кормлений на р. Устье и на Устье и Заячьей реке.

Чтобы составить себе более ясное впечатление об этих кормлениях, укажем, что первое из них, которое, пожалуй, можно обозначить как собственно устьянское волостельство, состояло из пяти черных волостей и в свою очередь как бы делилось на две половины — северную и южную. Первая половина состояла из двух волостей: Усть я, или Усецкой волости, видимо находившейся в низовьях р. Устьи (говорим видимо, так как установить ее точное местонахождение по источникам и XVI и XVII вв. нам

³⁴ Боярская книга, л. 161.

³⁵ Там же, л. 123 об.

³⁶ Там же, л. 1.

не удалось); Чадромы, или Чедермской волости, расположенной по р. Устье от устья Соденги, по устью Кокшенги, по р. Чадроме — левому притоку Устья, и по р. Кокшенге. Вторая половина состояла из трех волостей: Чувшицкой волости, расположенной в верхнем течении Ваги и по ее правому притоку — Ковде; Пежемской волости, расположенной по рр. Пежме и Вели, левым притокам Ваги, и притокам Вели — Подюге, Шеноше, Елюге; и, наконец, Ростовской или Заячерецкой волости, расположенной по р. Заячьей — правому притоку Кокшенги.³⁷ В начале XVII в. в указанных пяти волостях было около 800 дворов. Центром объединенного волостельства была, видимо, Чадромская волость, где, по письму 1635 г., показан «двор волостелин» «пуст».³⁸ Введенский стан (название — от Введенского прихода, расположенного при впадении р. Верюги в Устье) был меньше, хотя тоже состоял (во всяком случае уже к началу XVII в.) из четырех или пяти волостей: Шенгалы, по р. Устье между устьями ее притоков, левого — Соденги и правого — Волюги; Волюской, по р. Волюге — правому притоку р. Устья; Введенской, расположенной по р. Устье выше Волюской волости и давшей название всему стану; Дмитровской, находящейся выше Введенской волости по р. Мехренге — левому притоку Устья; возможно, сюда тянула также и волость Соденга (в XVII в., правда, перешедшая в состав устьянских волостей), расположенная по р. Соденге, т. е. на рубеже между западными Устьянскими волостями и Введенским станом. Общее число дворов в указанных четырех волостях было в начале XVII в. около 500 (а включая Соденгу, около 700).³⁹ Центром Введенского стана была волость Шенгала, где находился волостелин стан.⁴⁰

³⁷ ААЭ, т. I, № 243; Богословский, т. I, стр. 287—289, Приложение, стр. 58—59. — М. М. Богословский отмечает, что в XVII в. к числу этих волостей относится и волость Соденга, расположенная по левому притоку Устья — р. Соденге. Но в XVI в. она, видимо, тянула к Введенскому стану. Вообще наглядное представление об устьянских волостях дает составленная М. М. Богословским карта Поморского края XVII в., помещенная им в качестве приложения к своему исследованию. Это почти единственная историческая карта русского Севера, по которой можно установить месторасположение станов и волостей XVI—XVII вв.

³⁸ Богословский, т. I, стр. 59.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Так, в одной из мировых записей устьянских крестьян 1537 г. указывается, что им был суд и они «доложа меж собою волостеля Федора Федоровича на стану в Шангали между собою помирились в земельном деле». Что это был постоянный административный центр именного Введенского стана, ясно видно из актового материала начала XVII в. Так, одна из дошедших до нас обычных грамот 1631 г. прямо указывает, что «лета 7142 декабря в 31 день Устьянские волости Введенского стану земские судейки Павлик Исаев да Пятунка Иванов с товарищи приехали в Шангалу на стан и присроча (т. е. созвав к назначенному сроку, — М. Б.) крестьян в трапезу и государеву грамоту обыкшую во весь мир вычести велели и спрошали крестьян». Встречаем и такие указания, как например от 1636 г. — «а мировые писал записи в Шангале на стану Введенского

В 1539 г., по челобитью «заечеречан, пежмич и чюшевиць» (старост и крестьян «тех волосток»), им была выдана Иваном IV «жаловальная уставная грамота от волостелей», из которой мы узнаем, что они имели ранее такую же грамоту Василия III, но совместную — выданную указанным трем волостям «вместе с Усыяны Веденского стану да с Чадермыц и Усыян», но «тое грамоту жаловальную сvez (у них, — *II. II.*) волостель наш Феандрик Воронов, да тое деи у них грамоту истерял». Настоящая же грамота касалась только Заечерецкой, Пежемской и Чюшевицкой волостей, выделенных теперь в особое кормление. А отсюда следует, что списанные с ними ранее в одно кормление Введенский стан и Чедеремская (Чадромская) волость тоже получили теперь отдельные уставные грамоты от волостелей и стали самостоятельными кормленными округами; в Чадроме еще в XVII в. упоминается пустой волостелин двор.⁴¹

Согласно грамоте, в Заечерецкой, Пенежской и Чюшевицкой волостях на 1539 г. было 119 деревень с 221 двором (по письму 30-х годов XVII в. — 118 деревень с 350 дворами).⁴² В волостях было три стана (по одному на каждую волость), в которых соответственно «сидели» волостель, тиун и доводчик. Кормы собирались три раза в году (на рождество, пасху и петров день) и составляли в целом «1485 бел, а денгами 15 рублей без пяти алтын и без деньги». Собирали же кормы «тех волостях старосты и крестьяне сами промеж себя» да отдавали волостелю и его людям «на стану».

Весьма показательны и подтверждения на грамоте. Первое — от 5 марта 1553 г. царя Ивана IV со специальным указанием, что «о суде у них наш волостель ходит по нашему по приговору и по новому судебнику», и специальным комментарием в свете этих постановлений ведения волостелями «судных дел» и участия в них старост и целовальников, а второе — от 22 февраля 1596 г. царя Федора без всяких пояснений. Еще одно свидетельство того, что и после Земской реформы 1555—1556 гг. прежние уставные

стану судебской земский дьячек Девятко Деметьев»; показательно, наконец, что с 1685 г. именно стан в Шангале был избран местом съезда представителей всех Устьянских волостей для строительства яма и сбора даточных людей (там же, стр. 26, 203, 238, 226).

⁴¹ ЧОИДР, 1907, кп. 1, отд. IV, Смесь, стр. 47—51 (публикация М. М. Богословского).

⁴² Следовательно, население указанных Устьянских волостей за 100 лет, с 30-х годов XVI в. до 30-х годов XVII в., выросло всего на 25—30%, причем не за счет новых поселений (деревень стало даже на одну меньше), а в результате укрупнения селений (что обычно вызывается главным образом естественным приростом населения, а не освоением земель новыми переселенцами из других земель). А это говорит о стабильности населения края. Думается поэтому, что примерно такой же коэффициент роста населения надо применять и при использовании данных писцовых книг середины XVII в. для характеристики других, соседних с Устьянской землей волостей применительно к периоду земской реформы.

грамоты не утратили полностью своего значения, как акты, определяющие не только размер доходов кормленщиков, замененных теперь откупам (больше были доходы — больше откуп), но и те правовые нормы, которыми руководствовались земские власти, творившие теперь суд вместо кормленщиков. Иначе говоря, земская реформа сменила не столько сами судебно-административные порядки на местах, сколько должностных лиц, их осуществлявших. В этом главное. И как раз на это указывают сами земские грамоты.

От 1555 г. сохранились две земские грамоты Ивана IV, выданные пяти западным Устьянским волостям (Усецкой, Чедермской, Чушевицкой, Пежемской и Ростовской): первая — от 23 мая — об отмене кормлений и выборе земских старост к 1 октября (на покров) 1555 г., а вторая — от 15 октября — утверждающая результаты произведенных выборов и содержащая устав деятельности новых земских властей.

Эти грамоты имеют первостепенное значение уже по одному тому, что грамота от 23 мая — наиболее ранняя из всех пока известных нам земских уставных грамот, рассылаемых на места во исполнение царского «уложения» об отмене кормлений и констатирующая факт его повсеместного проведения. «Что наше жалование города и волости в кормленьях за наместники и за волостели, — сообщается в грамоте устьянским крестьянам, — и нам о всем челобитья и докука беспрестанная, что наши наместники и волостели и их пошлинные люди сверх нашего жалованья указу (sic) чинят вам продажи и убытки великие; а наместники и волостели нам бьют челом, что им многие люди под суд и на поруки не даются, и кормов им не платят, и в том меж вами поклепы и тяжбы живут великие. И мы вас жалуючи для тех ваших продаж и убытков, все кормленья города и волости за наместничи и за волостелины доходы, и за их пошлинных людей поборы велели вас пооброчить деньгами. *А наместником и волостелем вперед у вас не быти, чтоб вам от наших наместников и от волостелей и от их пошлинных людей продаж и убытков не было.* А нам бы в том от вас на наместников и от наместников на вас челобитья и докуки не было. *И велели есмя во всех городех и в волостех учинити старост излюбленных, кому меж вами управа чинится и волостелины доходы сбирати, и к нам на срок возити, которых вы старосты и сотские, и бегоули, и десятские, и все крестьяне излюбите и выберете всею землею, от которых бы вам продажи и убытков не было.*»⁴³ Во исполнение этого общего царского «уложе-

⁴³ Богословский, т. I, стр. 288 (курсив наш, — П. И.). — Такое объяснение причин земской реформы почти дословно повторяется и всеми другими дошедшими до нас земскими уставными грамотами 1555 г. Это уже само по себе не оставляет сомнений в том, что оно взято из какого-то единого документа, каким, видимо, и было «царское уложение о кормлении», вольное изложение которого сохранила нам летопись, пометив его 7064 годом.

ния» о кормлениях грамота и предписывала устьянским крестьянам произвести выборы «излюбленных старост» и 1 октября (на покров) 1555 г. (7064 г.) прислать их вместе с «излюбленным списком» в Москву к дьяку Угриму Львову. В Москве они, как представители волостей, должны были быть «за волостелины доходы и за присуд» «пооброчены деньгами», приведены к крестному целованию, и лишь тогда, как указывает грамота, им будут даны официальные документы, определяющие их права и обязанности, — «наказы тому, как им меж вами (волостными крестьянами, — *И. Н.*) управа чинити» и «уставная и оброчная грамота». Но тут же была сделана оговорка: «доколе тех старост выберете и к нам их пришлете и доколе мы их с наказы и с грамотою уставною и оброчною с Москвы отпустим, и вы б до тех мест нашим волостелем и их тиуном на поруки и под суд давались и доходы их платили им без ослушанья по указу».⁴⁴ Именно поэтому, в точном соответствии с данным предписанием, С. В. Неплюев, как мы видели по сведениям Боярской книги, и сидел в Устьянских волостях до 1 октября 1555 г., да и сама волость считалась отданной «в откуп» только с этого срока (кстати, это еще одно свидетельство исключительной точности данных Боярской книги о кормлениях). Во всяком случае, все это полностью подтверждает вторая Устьянская грамота от 15 октября 1555 г., представляющая собой как раз ту «уставную и оброчную грамоту», которая была выдана устьянским новым «излюбленным старостам» после их прибытия к 1 октября в Москву и приведения к крестному целованию. Грамота прямо указывает, «что мы (т. е. Иван IV, — *И. Н.*) тех их излюбленных судей (грамота индифферендно пользуется терминами «излюбленные старосты» — «излюбленные судьи», — *И. Н.*) велели и к целованью привести, что им Усы и Заечьи реки волостных людей судити и управы чинити по Судебнику и по уставной грамоте, как есмя уложили о суде во всей земле». Далее в грамоте и дается изложение этой уже земской, а не наместничьей «уставной грамоты», составленной на основе, видимо, единого для всех земель образца. Что касается «оброка» («за волостелины доходы и за присуд и за всех волостелинных пошлинных людей пошлыны, опричь мыта сухого», т. е. дорожных, но не речных пошлин), то он со всех волостных людей, «которые судом и кормом даны были Усы и Заечьи реки волостелям», был «положен на год» в размере 318 рублей и четьре алтына с деньгой. Вноситься же оброк должен был излюб-

⁴⁴ Кончается грамота (как отмечается в дошедшей до нас ее копии) пометой, что она «писана» «в Москве лета 7064 [1556 г.] мая в 23 д.», «а назади у государевы грамоты припись дьяка Угрима Львова». По это, как отмечал еще М. Богословский, явная описка — следует читать «лета 7063», так как сама же грамота предписывает произвести выборы к 1 октября 1555 г., что и подтверждено второй устьянской грамотой от 15 октября 1555 г.

ленными старостами на Москве (у дьяка Угрима Львова) один раз в год — на сретенье. В текущем же 1555/56 г. он должен был быть внесен на сретенье в половинном размере (159 рублей и два алтына с деньгой), «потому что на них тот оброк положен с покрова святой богородицы лета 7064 (1 октября 1555 г.).⁴⁵

Таким образом, приведенные данные Боярской книги об устьянских кормлениях не только полностью подтверждаются земскими уставными грамотами, но и наглядно раскрывают перед нами начало проведения земского «уложения» 1555 г. в Двинском крае. Неясно лишь одно: почему, по Боярской книге, князь Ф. М. Борятинский съехал «с Устьи и с Заечьей реки» не 1 октября (на покров), когда, согласно названным земским грамотам и данным самой же Боярской книги о кормлениях просто «с Устьи реки», устьянские волости были переданы на откуп, а 21 ноября (на введеньев день) 1555 г.? Объяснить это можно лишь одним: под кормлением «с Устьи реки», на котором «сидели» Г. Л. Оникеев (с марта 1553 г. до 18 марта 1554 г.) и С. В. Неплюев (с 7 апреля до передачи на откуп 1 октября 1555 г.), имелись в виду фигурирующие в земских грамотах западные устьянские волости — Усецкая, Чадрома, Чушевицкая, Пежемская и Ростовская, а под кормлением «с Устьи и с Заечьей реки», на котором до 21 ноября 1555 г. «сидел» князь Ф. М. Борятинский, — Введенский стан,⁴⁶ который, как и устюжская Утмановская волость, был передан на откуп не с покрова, а с введеньева дня 1555 г.

О последнем в Боярской книге прямо указывается, что Семен Григорьев сын Шепенков «наехал был на Утманово на николлин день вешней 63, держал до веденьева дни 64, а с того сроку Утманово дано в откуп»,⁴⁷ т. е. был волостелем в Утмановской волости Устюжского уезда с 9 мая до 21 ноября 1555 г. (всего шесть с половиной месяцев).

Утмановская волость была расположена на юго-восток от Великого Устюга по р. Югу и его правому притоку Шелге и р. Ентали. В XVII в. волость распалась на две части (или, как тогда говорили, на два конца); северная ее часть, по рр. Югу и Шелге, отошла к Сольвычегодскому уезду, а ее южная, большая часть, по рр. Югу и Ентали, осталась в Устюжском уезде (вообще надо отметить, что граница между этими двумя уездами не только в XVI, но и в XVII в. была очень неустойчива и часто передвигалась то в одну, то в другую сторону). По данным начала

⁴⁵ ААЭ, т. I, № 243.

⁴⁶ Обозначение, казалось бы, неточное, поскольку, как видно по земским грамотам, Ростовская (Заячерецкая) волость не входила в Введенский стан, но географически допустимое, так как именно Заячья река как бы делила Устьянский край на две части и поэтому ее название применимо для наименования каждой из этих частей и даже всего края в целом.

⁴⁷ Боярская книга, л. 43.

XVII в., в обеих частях Устмановской волости было 64 деревни со 167 дворами. Волость была черная.⁴⁸

Важные данные, дающие возможность и уточнить, и расширить наши представления о проведении земской реформы на Севере, сохранила Боярская книга и по другим станам и волостям Устюжского уезда — Пушне и Осиновцу, Лузе и даже по вычегодско-вымским волостям (станам) Ухты и Карач-Шолги. Данные эти следующие: Богдан Дмитриев сын Карташов «съехал с Пушны и с Осиновца на оспожцын день 64, держал год»,⁴⁹ т. е. был на кормлении в Пушне и Осиновце, якобы, с августа 1555 г. по 15 августа 1556 г. Но это явная ошибка в дате и следует читать не «64», а, по-видимому, «63», почему и датировать время пребывания Б. Д. Карташева на кормлении с августа 1554 г. по 15 августа 1555 г. Полагаем так потому, что вслед за приведенным текстом в самой же Боярской книге указывается: «а 64 дано ему (Карташеву, — И. И.) на подмогу для Казанские службы 10 рублей»; и далее — «в Серпухове смотр ему не был, годует в Казани, а лета 7064 в Новгороде в Нижнем Богдан поместья сказал на 250 четых» и т. д. Серпуховский же смотр был в июне 1556 г., и поскольку он на нем не был из-за «годования» в Казани (почему он и был на Нижегородском смотре этого же лета), то, следовательно, не мог он быть в это же время и на кормлении в Пушне и Осиновце.

Что же касается самого этого устюжского кормления, то волости Пушна и Осиновец были расположены по р. Югу и ее притоку Пушне и непосредственно соприкасались с указанной выше Утмановской волостью, а также волостью Шолга. К XVII в. эти черные волости распались, видимо, на ряд более мелких, среди них волости Верхонунемская и Подосиновская (расположенные по рр. Югу и Пушне с притоками).⁵⁰ Возможно, что сюда следует причислять и волость Яхренгу (расположенную на р. Юге выше устья Пушны). Размер волостей Пушна и Осиновец в XVI в. неясен, но похоже, что они занимали довольно значительную территорию.

Пушна и Осиновец списывались в одно кормление и раньше. Например, до нас дошла жалованная грамота Ивана III, выданная Ивану Андрееву сыну Племянникову, о пожаловании его воло-

⁴⁸ Богословский, т. I, стр. 22, 43, 106, 219, 277, 279, Приложение, стр. 46, 53. — Любопытно, что, как отмечает М. Богословский, дальнейшее дробление Утмановской волости на концы продолжалось и в XVII в. Такие же явления, как известно, имели место и в отношении других северных волостей (там же, стр. 42—45). Это был, видимо, общий процесс для XVI—XVII вв., характерный не только для северных районов страны.

⁴⁹ Боярская книга, л. 70.

⁵⁰ Богословский, т. I, стр. 298, Приложение, стр. 52, 53; АСЭИ, т. III, стр. 503—504.

стельством в устюжских волостях Пушне и Осиновце «с правдой и с пятном».⁵¹

Василий Александров сын Белого «съехал с Лузы... лета 7000... держал...».⁵² Текст дефектен. Ясно лишь, что В. А. Белого держал в кормлении Лузские волости (видимо, в конце 40-х — начале 50-х годов).

На Лузе, правом притоке р. Юга, был расположен целый ряд крупных черных волостей и станов, охватывающих почти всю юго-восточную часть Устюжской земли, позднее, по данным XVII в., тянувших к Сольвычегодскому уезду (правда, надо иметь в виду, что даже в XVII в. в районе слияния рр. Сухоны, Юга и особенно Лузы между территориями, входившими в состав этих обоих смежных уездов в прошлом единой Устюжской земли, сохранялась явная чересполосица). В состав Лузских волостей, как можно судить по переписным книгам XVII в., входили: волость или стан Ратмеровский, по р. Лузе и ее притокам — Чигре и Пырзе; волость Антропьева слобода, по р. Лузе и ее правому притоку — р. Лале; волость Лальская, по р. Лале; волость Учецкая, по р. Учке — левому притоку Лузы; волость или стан Андреевский, по р. Лузе; и, наконец, волость Лузская Пермца в верховьях р. Лузы.⁵³

Эти земли в XVI в. и составляли, видимо, единую большую Лузскую волость (по данным начала XVII в., в них было около 670 деревень с 1780 дворами),⁵⁴ иначе говоря — Лузское кормление, на котором и сидел в качестве волостеля В. А. Белого. Кормление в XVI в. было, видимо, очень крупное, так как В. А. Белого значится в Боярской книге в 11-й статье с окладом в 50 рублей.

Кормление было и весьма старое, так как еще от 1425 г. сохранилась грамота Василия III о пожаловании Ивана Григорьевича Расла (прозвище Иватя) Протасьева и его сына Конона «волостью Лузой за их к нам (великому князю, — Н. Н.) выезд в кормление» (за выезд обычно жаловались лишь наиболее доходные и выгодные кормления).⁵⁵ Видимо, Луза и в дальнейшем была как бы закреплена за потомками И. Г. Расла Протасьева (во всяком случае они могли претендовать на получение в кормление именно ее), так как и 16 мая 1555 г. ею был пожалован «в кормление» Петр Протасьевич Протасьев «со всем тем, как было за отцом его» — Протасьем Акинфовичем Протасьевым, управлявшим волостью Лузой до этого.⁵⁶

⁵¹ АСЭИ, т. III, № 287.

⁵² Боярская книга, л. 125.

⁵³ Богословский, т. I, Приложение, стр. 45—47.

⁵⁴ Там же, стр. 46—47.

⁵⁵ Акты Юшкова, № 5.

⁵⁶ Там же, № 177.

Последний факт показывает, что Луза была передана на откуп далеко не сразу после 16 мая 1555 г.; всего вероятнее, что это произошло примерно в те же сроки, когда и передача на откуп других устюжских и вычегодских волостей, а именно осенью 1555 г., может быть даже в начале 1556 г.⁵⁷ Во всяком случае, мы не можем допустить, что, выдавая грамоту П. П. Протасьеву, правительство одновременно направило в Лузу грамоту об отмене там кормлений в ближайшие полгода, — скажем, с 1 октября, как это имело место с Устьянскими волостями. Допущение же, что «уложение» с кормления могло быть принято между 15 и 25 мая 1555 г., исключается уже по одному тому, что по той же Боярской книге известно о факте передачи на откуп костромских волостей Куси и Немды еще с благовещенья (25 марта) 1555 г. (следовательно, «уложение» было раньше).⁵⁸ Остается одно — предполагать, что передавая Лузу П. П. Протасьеву, правительство исходило из мысли, что передача тех или иных двинских и устюжских кормлений на откуп — процесс длительный и может затянуться по крайней мере на год.

Соседним с Лузой было кормление на Виледи. В Боярской книге читаем: Андрей Елманов сын Огарев «съехал с Виледи на происхождение честного креста 63, держал 2 году»,⁵⁹ т. е. находился на волостельстве в Виледи с осени (августа) 1553 г. по 1 августа 1555 г. И далее: Тулуп Левонтьев сын Лаптев — «дана была ему Вилядь ждати, и он не наезживал, а Вилядь в откуп; 64 год дано ему на подмогу для Казанской службы 10 рублей». ⁶⁰ Виледь была передана на откуп примерно в то же время, как и другие устюжские и вычегодские волости, — осенью 1555 г., так как уже за «64 год» Г. Л. Лаптев вместо кормления получил денежную подмогу для казанской службы.

Вилегодская волость была расположена по реке Виледи — левому притоку Вычегды. В начале XVII в. Вилегодская волость распадалась на шесть приходов: Покровский, Никольский, Пречистенский, Ильинский, Спасский и Селянский (Вилегодская

⁵⁷ О самом факте, что в Лузе кормления были Иваном IV все же отменены, свидетельствуют данные о существовании земской уставной грамоты, выданной царем отписной сошке Луцкой Цермцы, изложение которой (по без упоминания даты) мы находим в ее земской уставной грамоте от 3 октября 1615 г. (ЧОИДР, 1907, кн. 1, отд. IV, Смесь, стр. 40—47). Правда, судя по этой грамоте, Лузская Пермца во время проведения земской реформы не подчинялась лузским волостелям, а непосредственно тянула (была приписана судом и управой) к устюжским наместникам и сольвычегодским приказным людям. Возможно, что наместник Великого Устюга посылал в нее своего особого тиуна, так как волость была довольно большой и богатой (по данным начала XVII в., приводимым М. М. Богословским, в ней было 164 деревни и около 450 дворов).

⁵⁸ Боярская книга, лл. 17, 62.

⁵⁹ Там же, л. 99.

⁶⁰ Там же, л. 115.

Пермца). Центром волости был Никольский приход, где находился стан волостеля.⁶¹ В начале XVII в. Вилегодская волость насчитывала более 490 дворов.

Князь Иван Иванов сын Володимиров Засекин «съехал с Ухты и с Карач-Шолги на покров святой богородицы 62, держал 2 году»,⁶² т. е. был волостелем на Ухте и Карач-Шолге с осени (октября) 1551 г. по 1 октября 1553 г.

Иван Андреев сын Кикина «съехал с Ухты и с Карач-Шолги на николин день осенней 64, держал от вербного воскресенья 63, дана в откуп»,⁶³ т. е. был волостелем на Ухте и Карач-Шолге с 7 апреля 1555 г. по 6 декабря 1555 г.

Где точно расположено указанное кормление — сказать трудно. Ухта — приток р. Ижмы, находилась в среднем течении Вычегды, по ней проходил водный путь из Ижмы на Вымь, видимо, и расположенные на ней волости или волостки носили одно и то же название. Но где была Карач-Шолга — неясно, а отождествление названия Шолги с окрестностями р. Шолги, притока Юга, — волостью Шолга (просто Шолга!)⁶⁴ — невозможно, поскольку последняя находилась южнее Великого Устюга и была отдалена от Ухты не на одну сотню километров. Видимо, Карач-Шолгой именовалась какая-то иная местность или волость в районе р. Ижмы и верховий р. Выми (поэтому она, в отличие от устюжской Шолги, и значилась в «списках на кормленое верстание» как Карач-Шолга). Очень поздние, по сравнению с другими устюжскими землями, сроки передачи Ухты и Карач-Шолги на откуп (только в декабре 1555 г.) также свидетельствуют о ее нахождении в ином, более отдаленном районе.

Что касается самого Великого Устюга (главного административного и экономического центра южного Подвинья), то в Боярской книге есть лишь запись, что Андрей Третьяков сын Тишкова «съехал с устюжского тиунства на середохрестье 63, держал 2 году»,⁶⁵ т. е. был великокняжеским тиуном в Великом Устюге с весны (марта) 1553 г. по 27 марта 1555 г. (следовательно, в марте город еще не был в откупу).

Более интересные данные сообщает Боярская книга о втором по значению центре этого огромного края — городе Тотье, уезд

⁶¹ В актовом материале начала XVII в. прямо отмечается, что «на Виледи на стану у Никола» происходил, в частности, земский суд (Богословский, т. I, стр. 268).

⁶² Боярская книга, л. 39.

⁶³ Там же, л. 156.

⁶⁴ Устюжская волость Шолга была расположена по р. Шолге в устье Лузы и Юга. При Иване III волость Шолга и соседняя с ней волость Орлова выделялись в отдельное кормление (и называлось оно именно этим двойным названием). До нас дошла даже грамота Ивана III, выданная Ивану Андрееву сыну Племянникову на волостельство (с судом и пятном) в этих двух устюжских волостях (АСЭИ, т. III, № 286).

⁶⁵ Боярская книга, л. 36.

которого находился на западном стыке Устюжской, Важской и Устьянской земель (через Тотму проходил и основной торговый путь из Замосковского края в Подвинье). Мы узнаем, что Яков Губин сын Моклокова «наехал был на Тотму на рождество Ивана Предтечи 63, держал до Покрова 64 и с того срока Тотма отдана в откуп»,⁶⁶ т. е. был наместником в Тотме с 24 июня 1555 г. по 1 октября 1555 г. (всего три месяца), и именно с этого срока Тотма передавалась на откуп. Это известие очень важно, так как до сих пор точная дата проведения земской реформы в Тотме была неизвестна.

Хуже обстоит дело с тотемскими волостями, поскольку в Боярской книге есть лишь запись о том, что Меньшик Григорьев сын Пелепелицын «съехал с Толшмы и Стрелицы на сретеньев день 59, держал 2 году»,⁶⁷ т. е. был волостелем в этих волостях с весны 1549 г. по 2 февраля 1551 г.

Обе эти тотемские волости были расположены по р. Сухоне: первая по ее правому притоку — р. Толшме, а вторая по левым — рр. Стрелице и Родче. Это были большие черные волости. По письму начала XVII в. в Толшме насчитывалось 339 дворов, а в Стрелице — 176.⁶⁸

Так как Боярская книга не сообщает, когда эти волости были переданы на откуп, то можно лишь предполагать, что это произошло одновременно с передачей на откуп самой Тотмы, т. е. с октября 1555 г.

Какие же общие выводы можно сделать из рассмотренных нами материалов о проведении земской реформы на Севере?

Во-первых (и это главное), земская реформа в 1555—1556 гг. была реализована в основных районах русского Севера, начиная от Заонежья, Тотемской, Устюжской, Соль-Вычегодской и Вымской земель и кончая всем Подвиньем, включая Устьянские волости, Вагу, Пенегу и Двинский уезд. Иначе говоря, наш материал полностью подтверждает данные местных летописцев: Вычегодско-Вымской летописи под 7063 г. об издании как раз в этом году царского приговора об отмене кормлений (что засвидетельствовано Устьянской грамотой от 25 мая 1555 г.), а именно, что Иван IV повелел «на Перми Вычегоцкие волостелем не быти, а волостелиным доходы пооброчить деньгами. А в волостех учините судеек, целовальников, сотеников, пятидесяцких и десятских по излюбгу и им управа чинити и волостные доходы взимати. Волостелины тиуном и доводчиком и приставом не быти ж, потому их судят свои судейки излюбленные по уставной грамоте по царевой»;⁶⁹ Великоустюжской летописи о его реализации —

⁶⁶ Там же, л. 37.

⁶⁷ Там же, л. 114.

⁶⁸ Богословский, т. I, стр. 25, 30, 42, Приложение, стр. 56—57.

⁶⁹ Историко-филологический сборник Коми филиала Академии наук СССР, вып. IV, Сыктывкар, 1958, стр. 265—268 (курсив наш, — II. II.).

«с покрова учали судити по городом и по станом земские судьи»;⁷⁰ и, наконец, Двинской летописи о деятельности на Двине, после съезда с нее в 7065 г. (с сентября 1556 г.) наместника кн. С. И. Микулинского, «холмогорских выборных голов» и «двинских выборных судей», которые «судили на Холмогорах в Верхней и Нижней половине до воеводского приезде» (до 7092 г.).⁷¹

Во-вторых, сама отмена кормлений и введение земских учреждений на Севере, как и в центре, были осуществлены в два этапа. Сперва, с 1551 г. (а возможно, и с 1550 г.),⁷² правительство вводит практику передачи отдельных наиболее доходных кормлений, — по, как бы сказать, персональным ходатайствам их жителей, — на откуп. Судя по малопенежским волостям, эта практика носила еще «срочный» (временный) характер и, возможно, весной 1553 г. была даже частично приостановлена. Это был опыт, видимо, удачный, но имеющий далеко идущие последствия и поэтому вызывавший острую политическую борьбу. Но уже весной 1555 г. (до 25 марта)⁷³ был принят новый царский «приговор» или «уложение» (как его называют земские грамоты) об отмене кормлений по всей земле (и А. А. Зимин ошибается, отрицая его существование), во исполнение которого и начинается

⁷⁰ Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950, стр. 109. Правда, этот текст записан под 7065 г., но, видимо, ошибочно — следует читать: в лето 7064 «с покрова» (ср. у нас, стр. 147—149).

⁷¹ РО БАН, 1.4.12, лл. 7; д. 572, л. 4; 45.13.17, л. 11 об.; ДРВ, изд. 2, ч. XVIII, стр. 14; ср. стр. 11. — Датировать съезд с двинского наместничества кн. С. И. Микулинского нужно именно так (в последнем из указанных списков Двинской летописи его «съезд» к Москве ошибочно датируется 7062 г.), поскольку 18 августа 1556 г. он был еще на Двине (Сб. ГРЭ, т. I, Пгр., 1922, № 150), а в сентябре Нижняя половина Двинской земли, согласно полученной ею земской грамоты, была уже окончательно переведена на откуп (АЛЭ, т. I, № 250).

⁷² Не связано ли это было с какими-то общими постановлениями (или рекомендациями) о кормлениях, принятыми правительством во время составления Судебника 1550 г. и заседаний Стоглавого собора в январе—феврале 1551 г.? Ведь не случайно царь упоминает в своей речи на Соборе — и именно в непосредственной связи с вопросом о кормлениях и «прежних винах» бояр — о каких-то уставных грамотах, касающихся устройства «по всей земле» старост, целовальников, сотских и пятидесятских, а также говорит о каких-то «уставных грамотах» «у детей боярских», которые он под новый Судебник подписал и которые, после их утверждения Собором, следует хранить в казне (Стоглав. Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1863, стр. 38—39). И трудно не связать с этим то, что как раз 28 февраля 1551 г. датирована оброчная грамота Плесской волости Владимирского уезда, сообщающая о первом пока известном нам случае передачи волости на оброк «за наместничи и тиуновы кормы... и за присуд», а также разрешающая ее крестьянам выбрать себе старост и целовальников, которые «меж собой... им управу чинят» (С. А. Шумakov. Губные и земские грамоты Московского государства, стр. 108—110).

⁷³ 25 марта (благовещенье) 1555 г. — время передачи на откуп костромских волостей Куси и Немды. Это самое раннее известие о передаче на откуп, содержащееся в Боярской книге 1556 г. (Боярская книга, лл. 62, 17).

массовая рассылка по северным городам и волостям специальных грамот о производстве выборов новых земских властей, фиксирующих «вперед» конкретные сроки передачи этих кормлений на откуп (образцом таких грамот и является Устьянская грамота от 25 мая 1555 г.). Сама же передача северных кормлений на откуп происходит, согласно этим срокам, как правило, осенью 1555 г.: в Заонежье, видимо, с 1 сентября, в Тотье и Устьянских волостях с 15 октября, в Утманове и Введенском стане с 21 ноября, на Ухте и Карач-Шолге с 6 декабря. Окончательная же передача на откуп самого Двинского уезда завершилась позднее — лишь в сентябре 1556 г. Эти сроки являются для нас как бы вехами, которые дают, в соотношении с другими источниками, достаточно ясное представление о ходе и темпах реализации здесь земской реформы. И как бы ни были полны наши сведения, ясно одно — указанные сроки были общими для определенных групп северных кормлений и устанавливались они правительством главным образом по территориальному признаку. А это еще одно существенное доказательство в пользу того, что земская реформа 1555—1556 гг. проводилась сугубо в централизованном порядке и представляла собой не серию отдельных разрозненных правительством мероприятий по отмене кормлений в различных городах и волостях, а единый законодательный акт, принятый в начале 1555 г. и реализованный на Севере по заранее установленному плану и применительно к столь отдаленным от Москвы районам в сравнительно сжатые сроки (ведь за какие-нибудь пять-шесть месяцев население должно было выбрать «излюбленных старост» послать их в Москву на утверждение и только после этого установить у себя новые земские порядки, а на поездку из тех же устьянских волостей в Москву и назад нужно было не менее двух-трех месяцев).

Таковы некоторые общие выводы, которые позволяет сделать Боярская книга 1556 г. о ходе проведения земской реформы 1555—1556 гг. на русском Севере; что же касается ее существа, то это уже предмет специального исследования, требующий иного материала для его изучения.
